

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург
2015

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Моисеев М.В.

ББК 63.3

УДК 94(47).035=161.1(045)“653”(47)

**Моисеев М.В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма
(1480 – 1522 гг.)**

В статье рассматривается история взаимоотношения татарских государств после поражения Большой Орды в «стоянии на реке Угре» через призму военных конфликтов. Автор полагает, что сообщения о многочисленности татарских армий сильно завышены. В работе еще раз подтверждается тезис, что постордынский мир не был монолитен, и после распада Большой Орды ведущим конфликтом в Великой Степи стала борьба Крымского ханства и Ногайской Орды

Ключевые слова: стояние на реке Угре, Ногайская Орда, Крымское ханство, Большая Орда, Иван III, Менгли-Гирей

Автор: Моисеев Максим Владимирович. В 2000 году закончил исторический факультет Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. В 2007 защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489–1563 годы)». С 2008 года работает в объединении «Музей Москвы», заведующий сектором научно-просветительской работы.

Область научных интересов: восточная политика России в XVI–XVII веках, история дипломатического этикета и церемониала, военная история России XVI–XVII вв.

maksi-moiseev@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Каргалов В.В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII – XVIII вв. — М., 1998.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. — М., 2001

Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. — М., 1948. — Т. 27

Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545 -1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. — М., 1954. — Т. 6.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.-Л., 1948.

Кузнецов А.Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). — Минск, 1986.

Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды Государственного исторического музея. — М., 1948. — Вып. № 20.

Загоровский В.П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969.

- Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. — М., 1959. — Вып. № 4.
- Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 г. // Учен. зап. Института Славяноведия. — М., 1963. — Т. 26.
- Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех»: материалы о походе Девлет-Гирея I на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571 – 1578 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2011. — Вып. № 2.
- Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. — М., 1999.
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М., 2002.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб., 2004.
- Зайцев И.В. Астраханское ханство. — М., 2004.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. — М., 2002.
- Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. — Кокшетау, 2009.
- Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI-XX вв. // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1968. — Т.3.
- Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. — Уфа, 1978.
- «...и бе их столько, еже несть числа»: сколько воинов воевало в русской армии XVI в.?// [Studia Slavica et balcanica Petropolitana](#). — СПб., 2009. — № 1/2 (5/6).
- Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. — М., 2004.
- Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. — № 1-2 (4-5).
- Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Учёные записки МГУ. — М., 1940. — Вып. 61. — Т. 2.
- Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII века // Восток (Oriens). 2010, — № 2.
- Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). — М., 1976.
- Купели О. Походы крымских татар и турок-осман против Ирана // Золотоордынское обозрение. — Казань, 2014. — № 2 (4).
- Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. — М., 2001.
- Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в XV – первой четверти XVII вв. — Волгоград, 1998.
- Абул-Гази. Родословное древо тюрков. — Казань, 1906 (1914).
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб., 2004.
- Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки ЛГУ. — Л., 1985. — Вып. 27. — Серия Востоковедение.
- Сикалиев А.И. Ногайский героический эпос. — Черкесск, 1994.
- Зайцев И.В. Шейх-Ахмад – последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сборник статей честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. — М., 2003

Зайцев И.В. Шейх-Ахмад — последний хан Золотой Орды: (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы: Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера . Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки. — М., 2000.

Тихомиров М.Н. Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. — М., 1945. —Т. 15.

Боплан Г.Л. Описание Украины. — М., 2004.

Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). — М., 2004.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой. — Алма-Ата, 1992.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1

Ссылка для печатных изданий:

Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480 – 1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч.I. — С. 151-186 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015)

Moiseev M. “Steppe Wars: form The Great Standoff on the Ugra River to destruction of the Crimea by the Nogai Horde, 1480-1522.”

The article examines, via prism of military conflicts, the relations between various Tartar states after the Great Horde's defeat at the Great Standoff on the Ugra River in the late fall 1480. In his research, the author concludes that the statistical data of the previously conformed numerous Tartar armies are largely exaggerated. The author argues that the post-Horde's world was anything but monolithic and after disintegration of the Great Horde, two new rivalries appeared – the Crimean Khanate and the Nogai Horde

Keywords: the Great Standoff on the Ugra River; the Nogai Horde; the Crimean Khanate; the Great Horde; Ivan III; Meñli I Giray

Author: Maksim V. Moiseev graduated from the Sholokhov Moscow State University for Humanities in 2000. In 2007 he defended his master's thesis on relations between Muscovy and the Nogai Horde, 1489-1563. He is currently working at the “Moscow Museums,” a historic preservation organization, where he is a head of an educational section.

maksi-moisee@yandex.ru

References:

- Kargalov V.V. Na granicah Rusi stojat' krepko! Velikaja Rus' i Dikoe pole. Protivostojanie XIII – XVIII vv. [On the borders of Russia to stand firm! The confrontation between the XIII – XVIII centuries] — M., 1998.
- Bazilevich K.V. Vneshnjaja politika Russkogo centralizovannogo gosudarstva. Vtoraja polovina XV veka [Foreign policy of the Russian centralized state. The second half of the XV century]. — M., 2001
- Smirnov I.I. Vostochnaja politika Vasilija III [Eastern policy of Vasily III] // Istoricheskie zapiski. — M., 1948. — T. 27
- Shmidt S.O. Predposylki i pervye gody «Kazanskoj vojny» (1545 -1549) [Background and beginning of "Kazan war" (1545 -1549)] // Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arhivnogo instituta. — M., 1954. — T. 6. Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of XVII century]. — M.-L., 1948.
- Kuznecov A.B. Diplomatičeskaja bor'ba Rossii za bezopasnost' južnyh granic (pervaja polovina XVI v.) [The diplomatic struggle of Russia for the security of the southern borders (the first half of the XVI century)]. — Minsk, 1986.
- Margolin S.L. Oborona Russkogo gosudarstva ot tatarskih nabegov v konce XVI veka [Defense of the Russian state from Tatar invasions in the late XVI century] // Trudy Gosudarstvennogo istoričeskogo muzeja. — M., 1948. — Vyp. № 20.
- Dokumenty o srazhenii pri Molodjah v 1572 g. [Documents about the battle at Moladah in 1572] // Istoricheskij arhiv. — M., 1959. — Vyp. № 4.
- Burdej G.D. Molodinskaja bitva 1572 g. [The battle at Molody in 1572] // Učen. zap. Instituta Slavjanovedija. — M., 1963. — T. 26.
- Vinogradov A.V., Malov A.V. «Soshlis' s nimi u Voskresen'ja v Molodeh»: materialy o pohode Devlet-Gireja I na Moskvu 1572 g. v Krymskoj posol'skoj knige 1571 – 1578 gg. [Materials about the invasion of Devlet-Girei I to Moscow 1572] // Edinorog: Materialy po voennoj istorii Vostočnoj Evropy jepohi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni. — M., 2011. — Vyp. № 2.
- Shmidt S.O. Rossiya Ivana Groznogo [Russia Of Ivan The Terrible]. — M., 1999.
- Trepavlov V.V. Istorija Nogajskoj Ordy [History Of The Nogai Horde]. — M., 2002.

- Kljashornyj S.G., Sultanov T. I. Gosudarstva i narody evrazijskih stepej. Drevnost' i srednevekov'e [The States and peoples of Eurasian steppes. Antiquity and the middle ages]. — SPb., 2004.
- Zajcev I.V. Astrahanskoe hanstvo [Astrakhan khanate]. — M., 2004.
- Gorelik M.V. Armii mongolo-tatar X-XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snarjazhenie, oruzhie [The army of the Mongol-Tatars X-XIV centuries, martial arts, equipment, weapons]. — M., 2002.
- Kushkumbaev A.K. Institut oblavnyh ohot i voennoe delo kochevnikov Central'noj Azii. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie [Institute of battue hunting and military science of nomads in Central Asia. Comparative-historical research]. — Kokshetau, 2009.
- Kuzeev R. G. Chislennost' bashkir i nekotorye jetnicheskie processy v Bashkirii v XVI-XX vv. [The population of Bashkirs, and some ethnic processes in Bashkortostan in XVI-XX centuries] // Arheologija i jetnografija Bashkirii. — Ufa, 1968. — T.3.
- Kuzeev R.G. Istoricheskaja jetnografija bashkirskogo naroda [Historical Ethnography of the Bashkir people]. — Ufa, 1978.
- «...i be ih stol'ko, ezhe nest' chisla»: skol'ko voinov voevalo v russkoj armii XVI v.? [how many soldiers fought in the Russian army in XVI century?] // [Studia Slavica et balcanica Petropolitana](#). — SPb., 2009. — № 1/2 (5/6).
- Trepavlov V.V. Tjurkskaja znat' v Rossii (Nogai na carskoj sluzhbe) [The Turkic nobility in Russia (Nogai Royal service)] // Vestnik Evrazii. 1998. — № 1-2 (4-5).
- Syroechkovskij V.E. Muhammed-Girej i ego vassal [Muhammed Giray and his vassals] // Uchjonye zapiski MGU. — M., 1940. — Vyp. 61. — T. 2.
- Penskoj V.V. Voennyj potencial Krymskogo hanstva v konce XV – nachale XVII veka [The military potential of Crimean khanate in the late XV – early XVII century] // Vostok (Oriens). 2010, — № 2.
- Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani. Mihman-name-ji Buhara (Zapiski buharskogo gostja) [Mihman-nama-Yi Bukhara (notes of Bukhara guest)]. — M., 1976.
- Kupeli O. Pohody krymskih tatar i turok-osman protiv Irana [Raids of Crimean Tatars and the Ottomans against Iran] // Zolotoordynskoe obozrenie. — Kazan', 2014. — № 2 (4).
- Bazilevich K.V. Vneshnjaja politika Russkogo centralizovannogo gosudarstva. Vtoraja polovina XV veka [Foreign policy of the Russian centralized state. The second half of the XV century]. — M., 2001.
- Kusainova E.V. Russko-nogajskie otnoshenija i kazachestvo v XV – pervoj chetverti XVII vv. [Russian-Nogai relations and Cossacks in XV – first quarter of the XVII centuries] — Volgograd, 1998.
- Abul-Gazi. Rodoslovnoe drevo tjurkov [The genealogical tree of the Turks]. — Kazan', 1906 (1914).
- Kljashornyj S.G., Sultanov T.I. Gosudarstva i narody evrazijskih stepej. Drevnost' i srednevekov'e [The States and peoples of Eurasian steppes. Antiquity and the middle ages]. — SPb., 2004.
- Grigor'ev A.P. Shibanidy na zolotoordynskom prestole [Sibanda on the Golden throne] // Uchenye zapiski LGU. — L., 1985. — Vyp. 27. — Serija Vostokovedenie.
- Sikaliev A.I. Nogajskij geroicheskij jepos [Nogai heroic epic]. — Cherkessk, 1994.
- Zajcev I.V. Shejh-Ahmad – poslednij han Zolotoj Ordy (Orda, Krymskoe hanstvo, Osmanskaja imperija i pol'sko-Litovskoe gosudarstvo v nachale XVI v.) [Sheikh-Ahmad – the last Khan of the Golden Horde (the Horde, the Crimean khanate, the Ottoman Empire and the Polish-Lithuanian state in the beginning of XVI century)] // Ot Stambula do Moskvy. Sbornik statej chest' 100-letija professora A. F. Millera. — M., 2003
- Zajcev I.V. Shejh-Ahmad — poslednij han Zolotoj Ordy: (Orda, Krymskoe hanstvo, Osmanskaja imperija i Pol'sko-Litovskoe gosudarstvo v nachale XVI v.) // Ot Stambula do Moskvy: Sbornik statej v chest' 100-letija professora A. F. Millera . Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova. Institut stran Azii i Afriki. — M., 2000.
- Tihomirov M.N. Iz «Vladimirskogo letopisca» [From "Vladimir chronicler"] // Istoricheskie zapiski. — M., 1945. — T. 15.
- Boplan G.L. Opisanie Ukrainy [Description Of Ukraine]. — M., 2004.

Zajcev I.V. Mezhdru Moskvov i Stambulom: Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaja imperija (nachalo XV – pervaja polovina XVI vv.) [Between Moscow and Istanbul: Dynasty state, Moscow and the Ottoman Empire (the beginning of XV – first half XVI centuries.)]. — M., 2004.

Utemish-hadzhi. Chingiz-name [Chingiz-nama] / Faksimile, perevod, transkripcija, tekstologicheskie primechanija, issledovanie V. P. Judina. Kommentarii i ukazateli M. X. Abuseitovoj. — Alma-Ata, 1992.

Internet link:

http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1

Reference:

Moiseev M. “Steppe Wars: form The Great Standoff on the Ugra River to destruction of the Crimea by the Nogai Horde, 1480-1522.” [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 151-186 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015)

М.В. Моисеев

СТЕПНЫЕ ВОЙНЫ

ОТ УГРЫ ДО НОГАЙСКОГО ПОГРОМА КРЫМА
(1480 – 1522 гг.)

«Стояние на реке Угре» стало кульминацией 200-летней истории сосуществования русских земель и государства кочевников, получившего впоследствии название Золотой Орды. Именно поэтому к нему традиционно было привлечено внимание историков. Военной кампании 1480 г. было уделено значительное внимание, ход ее скрупулезно восстановил, к примеру, В.В. Каргалов¹. Дальнейшая жизнь западного Дешт-и-Кипчака такого внимания ученых не стяжала. Разрабатывались лишь некоторые ее аспекты — например, история дипломатических отношений Русского государства с постордынским миром², однако после классической монографии А.А. Новосельского³ эти отношения все чаще сужались до борьбы русских с татарской и, прежде всего, крымско-татарской, угрозой. В рамках этого направления были созданы не только работы по изучению дипломатической истории этой страницы русско-татарских отношений⁴, но и военно-исторические исследования, в которых особое внимание было уделено формированию пограничной службы⁵, а также отдельным сражениям⁶. В целом же, для отечественной науки проблематика постордынского мира имела периферийный интерес.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-31-10148 а(ц))

Одним из объяснений этому может стать историографическая ситуация в целом. Во-первых, господствовала точка зрения, актуализирующая балтийское и черноморское направления русской внешней политики. Суть этой аберрации исследовательской оптики охарактеризовал С. О. Шмидт:

«В умах историков происходило известное смещение исторической перспективы: наиболее важным линиям внешней политики XVIII — XIX вв. приписывали такое же значение, как и в предшествовавшие века. Вследствие этого основное внимание уделялось тем явлениям русской внешней политики, где интересы России непосредственно сталкивались с западноевропейскими»⁷.

Во-вторых, политические объединения, образовавшиеся на обломках Золотой Орды, были слабо изучены, что в результате приводило к тому, что в истории западного Дешт-и-Кипчака в послеордынскую пору «белых пятен» было слишком много. Настоящий прорыв в этих исследованиях наметился в начале 2000-х годов, когда с разницей в 2 года вышли две весьма важные для постордынской проблематики книги: «История Ногайской Орды» В. В. Трепавлова (М., 2002) и «Астраханское ханство» И. В. Зайцева (М., 2004). В. В. Трепавлов, взяв в прицел полузабытое кочевое сообщество — Ногайскую Орду, создал исследование, которое может по праву считаться энциклопедией истории западного Дешта в послеордынскую эпоху. Автор кропотливо восстановил политическую историю ногаев, проанализировал их социум и экономику позднесредневековых кочевников. Важнейшее значение для развития номадистических исследований стало восстановление автором системы легитимации власти правителями, которых традиция не считала «законными»⁸. Дело в том, что на всем пространстве, некогда объединенном Еке Монгол улус, царствовал принцип по которому первенство на власть признавалась за потомством четырех сыновей Чингиза от его первой жены Бортэ-ханум. Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй и их прямые потомки составляли «золотой род» — «*алтан уруг*»⁹. В тех условиях, когда племенные вожди постепенно приобретали все больший вес и влияние на политику, этот идеальный принцип вступал в противоречие с реальной политикой. Для преодоления его властные представители не чингизидской знати выбирали себе Чингизида, поднимали его на белой кошке, провозглашая его тем самым ханом.

Он же в благодарность назначал своего «благодетеля» — военным правителем-беклярбеком и постепенно, как правило, уходил в тень. Следствием этой политической системы стала перманентная борьба племенной знати и ханов за политическое первенство, что в конечном итоге привело к крайне высокой степени политической нестабильности этих сообществ.

Специальный очерк в монографии был посвящен военному искусству Ногайской Орды¹⁰. В рамках этого исследования автору удалось показать достаточно высокую степень организации военного дела у ногаев. Существовал т.н. караул, войско охранявшее пределы Орды от вторжения, в случае же ожидания нападения образовывалось специальное войско — чардаул (яртаул)¹¹. Были у ногаев и знамена и знаменщики. Комплекс вооружения не отличался оригинальностью и был свойственен большинству позднесредневековых кочевников¹². В целом, заключает автор, несмотря на очевидные недостатки в вооружении и тактике, ногаи «...на общемировом фоне развития военного дела выглядели ... достойно»¹³.

И. В. Зайцев аргументировано показал, как из Большой Орды под ударами соперников постепенно выделилось Астраханское ханство¹⁴, попутно раскрыв на страницах своего исследования основные аспекты его политической и социально-экономической истории.

Значение этих исследований для изучения истории западного Дешт-и-Кипчака в XV — XVI веках трудно переоценить — наконец-то в руках исследователей появился необходимый инструментарий, а «под ногами» надежный фундамент, что позволило перейти к углубленному изучению политической, экономической и военной истории региона.

Постепенно в самостоятельное историографическое направление оформляются исследования, посвященные военной истории Монгольской империи и государств, выделившихся из нее. Так, к примеру, М. В. Горелик особое внимание уделил вопросам снаряжения и вооружения монголо-татарской армии¹⁵, многое из которых потом было заимствовано татарскими юртами, возникшими на месте распавшейся Золотой Орды, а А. К. Кушкумбаев проанализировал связь института облавных охот и военного искусства кочевников¹⁶.

Численность и организация кочевого войска

Оценки людского потенциала кочевого войска имеют развитую традицию и напрямую увязаны с вопросами демографии номадов. В науке существуют две схемы. Первая — это соотношение общей численности населения с количеством воинов, а вторая — экологические возможности степи и лесостепи прокормить определенное число кочевников¹⁷. В основе первой схемы лежит пропорция, предложенная М.Г. Сафаргалиевым, согласно которой отношение между общей численностью населения и числом воинов равнялось $1/3$. Позднее, как показал В.В. Трепавлов, пропорция была пересмотрена автором и равнялась уже 60%¹⁸. Р.Г. Кузеев полагал, что воины составляли около четверти от всего народонаселения¹⁹. Очевидно, что эта схема весьма приближительна, но подсчеты, основанные на экологии, ещё более умозрительны²⁰.

В.В. Трепавлов, в своем блестящем очерке исторической демографии Ногайской Орды, предложил третий путь решения этой проблемы, а именно поиск конкретных цифр, сохранившихся в источниках. Эти данные служат базовыми точками для дальнейших подсчётов. Однако при дальнейших действиях исследователь вынужден пользоваться пропорциональной схемой Сафаргалиева-Кузеева, в рамках которой предложено три соотношения воинов к общему числу населения ($1/4$, $1/5$ и $1/6$)²¹. Такой подход, без сомнения, более фундирован, но все же тоже, в конечном итоге, исходит из двух уязвимых посылок: во-первых, слабо доказуемых пропорций (почему $1/4$, а не $1/3$, к примеру?) и, во-вторых, доверия к сообщениям о количестве «*письменной рати*» ногаев, которые могли быть сильно завышены. Завышенность этих данных почти не вызывает сомнений, и вот почему.

В дипломатической переписке между русским двором и ногайским бием сохранились такие данные. В 1551 г. правитель Ногайской Орды Юсуф сообщал, что у него 300 000 «*письменной рати*» своей и 80 000 воинов у его сыновей. В 1552 г. он же говорил о 100 000 воинстве, а в 1553 г. в Москву пришли сообщения о 120 000 ногаев собравшихся в поход на Русское государство²². Цифры впечатляющие, но стоит заметить, что это воинство не только не дошло до русских пределов, но его никто и не видел. Более того такое гигантское войско не минуемо

должно было столкнуться с логистическими проблемами, что видно из истории провалившегося похода Юсуфа в октябре 1553 г.

13 октября 1553 г. Шах-Али прислал из Касимова с *«ногайскими вестями»* К. Мустояпова, бывшего в Орде с С. Тулусуповым²³. Он сообщил, что на русские украины двигается армия Юсуфа, его детей и племянников, численностью в 120000 человек. По словам К. Мустояпова, к армии примкнул и Касим-мирза²⁴. Астраханский хан Ямгурчи согласился перевезти ногаев через Волгу под Хаджи-Тарханом и дал Юсуфу еще 500 человек²⁵. Бий разослал отряды разведчиков для выяснения пути на Хопер и Дон. Разведка сообщила, что на Хопре стоять нельзя, так как там выгорела трава. С Дона же пришли хорошие новости, что по крымской сакме *«...стояти добро, прокормиться lze»*²⁶. Целью удара определили рязанскую Украину, так как от Дона прийти можно *«...на Воронеже корму много»*, время назначили когда Ока встанет, то есть покроется льдом²⁷. Юсуф держал К. Мустояпова скованным и, расспрашивал, сможет ли он под Москвой прокормиться. Гонец утверждал, что нет, так как в случае нападения хлеб весь свежут в города, а сено сожгут²⁸. Уяснив, что его воинству во время похода грозит голод, Юсуф приказал состоятельным людям брать с собою по 2–3 верблюда, а *«худым»* по два, так же каждый участник похода должен был взять с собою по три овцы и много крута (твердый соленый сыр, скатанный в шарики)²⁹.

Элементарный подсчет, учитывая количество войска, приводит нас к следующим цифрам. Так, взяв в расчет минимальное количество верблюдов — 2, мы получаем 240000 верблюдов и 360000 овец. В целом воинство Юсуфа представляло собой кочующую орду, вряд ли способную на быстрый и внезапный удар. В итоге пока ногаи готовились к своему походу, предупрежденные русские власти подготовились к «встрече» и поход так и закончился ничем!

Этот казус важен по нескольким соображениям. Во-первых, эта ситуация показывает, систему организации большого похода, во-вторых, актуализирует проблему военной логистики и, наконец, в-третьих, демонстрирует малую вероятность задействования таких значительных сил в реальности.

Учитывая экологические, логистические, организационные факторы, можно полагать, что, скорее всего, все эти заявления

о «*тьмочисленности*» своих или чужих войск были мотивированными преувеличениями. С другой стороны, все современники отмечали многочисленность ногаев — поэтому стоит воздержаться от резкого отрицания самой возможности мобилизации больших сил. Из вышесказанного логично вытекает следующий вопрос: какие же силы выставляли ногаи в реальности? Поэтому необходимо вернуться к идее В. В. Трепавлова и продолжить поиск упоминания в документации конкретных цифр, но, уже отказавшись от амбициозной задачи изучения демографии кочевников, и сузив свой поиск до выяснения числа ногаев, чаще всего принимавших участие в военных походах³⁰. В этом смысле особый интерес представляют материалы посольских книг по связям России и Ногайской Орды периода Ливонской войны, в которых велся учет ногаев приезжавших для участия в военных компаниях.

Так, в Полоцком походе ногаи упоминаются дважды. Тохтар-мирза с отрядом в передовом полку и Бекбулат «с *товарыщи*» в яртоуле. Численность их (особенно на общем фоне) не поражает воображение: с Тохтаром было 16 человек, а в яртоуле — 60 человек³¹. Позднее из степи тоже выезжали небольшие группы. Как правило, бий и мирзы отряжали каждый от себя по отряду, возглавляемому доверенным лицом. Так, в 1564 г. глава Орды — Дин-Ахмед отослал 470 человек, Дин-Али — 190, Урус — 40 и Дин-Али б. Кошум — 50. То есть всего этот условный «иностранный легион» насчитывал 750 сабель³². В целом стоит согласиться с оценкой численности этих воинских контингентов, данных В. В. Трепавловым, как едва ли достигавших 2 000 человек³³.

В набегах на Крымское ханство ногайские отряды тоже не были многочисленными. Так, в июле 7068/1560 г. отряд Тахтар-мирзы насчитывал 300 человек, отряд Мухаммед-мирзы состоял из 400 человек. Осенью 7069-го г. на Крым был направлен значительный отряд из 2000 человек. К сожалению, данных подобного характера в дипломатической документации сохранилось не так много, впрочем, заметно, что в военной практике ногаи ограничивались небольшими подразделениями.

Такие же сложности с определением численности воинов возникают и при изучении военной истории других постордынских государств. Так, В. Е. Сыроечковский в своей классической работе «Мухаммед-Гирей и его вассалы» приводил довольно широкий диапазон численности крымской военной силы от 15 000 до 100 000 человек³⁴.

Ногайский татарин XV–XVI вв.
Рис. Шерстнева Е.А, 2015 г.

Подобную неопределенность в вопросе численности крымского войска В. В. Каргалов объяснял следующим образом: *«Однако эти противоречия только кажущиеся. Дело в том, что одни современники имели в виду собственные войска хана и называли меньшие цифры, а другие учитывали „прибыльных людей“ из других орд, которые присоединялись к хану вовремя больших походов»*³⁵.

В. В. Пенской скромнее оценивает воинский потенциал Крымского ханства. По его мнению, в начале XVI века ханство могло выставить от 3 до 4 тысяч воинов. После разгрома Большой Орды население Крыма увеличилось и вместе с ним выросла численность воинов. Вплоть до первой половины XVII века она составляла от 30 до 60 тысяч сабель. В основу своих подсчётов автор положил сочетание пропорциональной и экологической схем, а так же он учитывает факт наличия запасных лошадей, с помощью которого рассчитывается возможная численность воинов³⁶.

Приведенные случаи показывают, что численность татарских войск во многом была связана с теми целями, которые стояли перед его организаторами. Источники фиксируют общие походы, возглавляемые ханом, и отряды, направляемые на *«лежкую войну»*. Численность войск напрямую зависела от выбранного типа действия.

Сбор для общего похода в послеордынских татарских государствах превращался в сложную систему, сочетавшую в себе призывы, переговоры и принуждение. На базаре в Перекопе глашатаи *«не одинова» «кликали»* людей, призывая их не разъезжаться, а остаться с ханом на службе³⁷. Сходным образом действовали и в Ногайской Орде. Бий призывал крыльевых предводителей (нурадина и кековата) и мирз к совершению общего похода. Стоит заметить, что этот призыв вовсе не был чем-то обязательным к исполнению. Например, Исмаил отказался от похода на Русское государство вместе с Юсуфом³⁸. Сходно действовали и в Крымском ханстве. Так, в декабре 1530 г. Ширины отказались участвовать в общем походе на Великое княжество Литовское³⁹. По всей видимости, сделать войну обязательной для всех могло лишь определение ее как священной. Во всяком случае, так позволяет считать история подготовки похода Мухаммед-Шейбанихана на казахов в 1508 г.. Перед началом вторжения он заручился поддержкой улемов Мавераннахра и Хорасана, которые выдали ему фетву:

«Если казахи, как доказано, являются неверными, то каждый, кто будет воевать с ними, получит вознаграждение за священную войну с неверными». После этого состоялась дискуссия между Фазлалахом ибн Рузбиханом и Хаджой Парса по вопросу, можно ли эту войну после выдачи фетвы считать всеобщей религиозной обязанностью или же частным делом. Хаджа Парса был склонен все-таки считать эту войну частным предприятением, на что Рузбихан возразил следующими словами: *«Извольте ошибаться, это всеобщая обязанность, ибо имеется согласное решение обоих вероучений (т.е. учений Абу Ханифы и Шафии), чтобы всегда, когда неверные вторгаются в какую-нибудь мусульманскую область, то всем вменяется в обязанность [вести] с ними священную войну, и это в божественном законе называется всеобщим призывом к обороне»*⁴⁰.

Не вдаваясь в подробности учения о джихаде, можно утверждать, что он является общеобязательным для защиты веры и имущества. Объявить его мог имам, которым в суннитском исламе являлся любой авторитетный богослов, однако, не заметно, чтобы в постордынском мире прибегали к этой мере, поэтому большинство военных походов не были абсолютно обязательными для кочевой знати. Это обстоятельство тоже накладывало ограничение на численность татарской армии. Также сдерживающим фактором для наращивания количества сил, выделенных для вторжения, являлась необходимость выделения охраны собственных кочевий.

С другой стороны, не стоит забывать, что в случае с Крымским ханством к армии могли быть присоединены силы Османской империи. Впрочем, их численность не была существенной. Например, в 1532 г. Сахиб-Гирею было выделено 60 артиллеристов, 300 латников, 1000 капыкулу, 40 мютеферрика, 30 унтер-офицеров и 60 всадников (Но тут возникает вопрос — это ратные люди представляли собой боевую силу или же почетный конвой при хане? — Ред.) Контекст этого сообщения позволяет утверждать, что более вероятен второй вариант. Впрочем, это не исключает возможности, на что указывают опубликованные материалы, когда хан мог ходатайствовать перед султаном о предоставлении ему возможности набора людей в османских владениях в Крыму)⁴¹. Еще одним фактором влияющим на численность татарского войско было присоединение к набегу представителей других орд, что случалось в общем-то нередко.

Итак, завершая наш обзор можно отметить следующее. Факторов влиявших на общую численность кочевников в походе было много, однако, предельные цифры вряд ли когда-нибудь достигались. Поэтому к данным демонстрирующим многочисленность татарских армий стоит относиться с крайней осторожностью. Очевидно, что организация крупноформатного вторжения была предприятием весьма сложным, поэтому за всю историю русско-татарских отношений таких походов было относительно немного и исполнить их могло лишь Крымское ханство. Мелкие набеги — «*лехкая война*» случались куда как чаще. Такие набеги организовывались по-разному. Во-первых, это могло стать собрание удальцов при каком-нибудь амбициозном молодом мирзе для конкретного набега. В таком случае, сам отряд был довольно разношёрстным и, очевидно, обладали невысоким боевым потенциалом.

Довольно красноречивым подтверждением этому служит провальный набег Арслана-мирзы на русские уkraine в 1550 году. В конце декабря 1550 г. ногайский отряд во главе с Уразлы-мирзой, Отай-мирзой, Тейляк-мирзой, Арслан-мирзой и других совершили набег на Мещеру и Старую Рязань. Русские воеводы действовали оперативно. Выступившие из Рязани и Николы Зарайского отряды соединились и нанесли серию ударов по ногаям. Воеводы г. Елатьмы (центра Мещеры, до основания Шацка) также успешно отразили ногайское нападение. После этого рязанские и мещерские воеводы объединились и преследовали бегущих ногаев до Волги. В плен попали Тейляк-мирза и многие рядовые участники набега. По данным летописей в Ногайскую Орду вернулись лишь Арслан-мирза и Отай-мирза с пешим отрядом в 50 человек⁴². По сообщениям русских гонцов, находившихся в то время в орде, отряд Арслана насчитывал около 30–40 человек⁴³.

Сам этот набег ногаев скорее всего не был заранее спланированной акцией правящей верхушки Ногайской Орды. В пользу этого говорит ряд фактов. Набег организовали «*молодые мирзы*», управители западного крыла орды Исмаил и Белек Пулад приложили серьезные усилия для предотвращения набега⁴⁴. По сообщению Юнуса, его люди попали в число нападавших в определенном смысле случайно. Они приехали в улус (эль) Араслана с вполне мирной целью — жениться⁴⁵. Все имеющиеся материалы об этом набеге позволяют его характеризовать как

«*беш-баиш*», татарский аналог казачьего походы «*за зипунами*». Вместе с тем в набег оказалось втянуто большое количество молодежи разного социального статуса. Ногайская элита, обеспокоенная судьбой соплеменников, требовала освободить пленных. Так, среди захваченных батыров оказалось 5 нукеров бия Юсуфа и 4 человека Юнуса ибн Юсуфа⁴⁶. Исмаил хлопотал об освобождении 37 человек⁴⁷. Подобная обеспокоенность объясняется тем, что, по донесениям русского посла в Орде П. Д. Тургенева, среди участников похода погибших или плененных оказалось много «*добрых*» людей⁴⁸.

Таким образом, можно отметить, что на численность татарских отрядов влияло масса объективных и субъективных факторов. Поэтому довольно сложно определить мобилизационный потенциал татарских государств. Отчасти эту проблему может решить методика, предложенная турецким историком Озером Купели из университета «Катип Челеби». Автор предлагает учитывать количество лошадей, участвовавших в походе, исходя из того, что каждого воина должна была сопровождать одна или несколько запасных лошадей⁴⁹. Однако в условиях лапидарности данных предоставляемых источниками и этот подход не сулит окончательного решения означенной проблемы. Поэтому остается лишь чрезвычайно критично относиться к тем числовым данным, которыми мы располагаем.

Военные конфликты с Большой Ордой

К 70-м гг. XV века конфликт Русского государства с Большой Ордой стал уже неизбежным. Поиск союзников в этой борьбе привел русских дипломатов к Крымскому ханству. В начале 70-х годов XV века Иван III начал вести переговоры с крымским ханом Менгли-Гиреем на предмет заключения союза, направленного против Большой Орды. В результате к 1480 г., Русское государство и Крымское ханство заключили союз, направленный как против Большой Орды, так и против Великого княжества Литовского⁵⁰. Итогом дипломатических, военных и пропагандистских усилий стала победа Ивана III в 1480 г. в ходе «стояния на Угре» над ханом Большой Орды Ахмадом⁵¹. Через год, хан Большой Орды Ахмед погиб в результате нападения сибирско-ногайского войска⁵². Однако эти события не означали окончательного решения ордынского вопроса, именно поэтому московская дипломатия

старательно в течение конца 80-х — начала 90-х годов XV столетия продолжает выстраивать антиордынскую коалицию, в которую помимо Крыма вошли Казанское ханство и Ногайская Орда.

Русское государство пыталось координировать борьбу с Большой Ордой. Например, в грамоте к Менгли-Гирею в 1484 г. предписывалась следующая норма: *«А какими дель, по грехом, пойдут на меня (Ивана III — М. М.) цари ординские, и ты бы царю (Менгли-Гирею — М. М.) говорил, чтобы пожаловал, по своему крепкому слову и по ярлыку, на Орду пошел или послал...»*⁵³. В свою очередь Русское государство обязывалось поступать аналогичным образом. Кроме координации совместной борьбы с Престольной державой (Большой Ордой) русскую дипломатию беспокоило две проблемы. Первая — это возможность замирения Менгли-Гирея с Великим княжеством Литовским. В инструкции июня 1484 г. русскому послу предписывалось следить за тем, *«чтобы царь с королем не мирился»*⁵⁴. Такое же требование мы увидим и в посольском наказе 1486 г.⁵⁵, 1487 г.⁵⁶ и других документах периода русско-крымского антиордынского союза. Вторая проблема имела не меньшее значение — это желание обеспечить безопасность посольских ссылок между союзниками. Именно этому пытались помешать ордынцы, перерезая коммуникации между Русским государством и Крымом. Так, великокняжеский гонец Шемердень Увачев в июне 1486 г. сообщал крымскому хану следующее:

*«Посылал есми Курчбулат улана да Кыскача провожати к тебе твоего посла да и своего посла; и как проводив их, к тебе воротилися назад Курчбулат улан да Кыскач, ино их розгоняли да и пограбили цареви Муртозины люди да Темиревы на реце Мерли, близко Колмак. А были у них сказывают в головах царёв Муртозин человек Ябы-Терим да Темиревы люди Тулатсубу, Кашканчей, да Алав; а стерегли сказывают слов наших в трёх местех, на Осколе, да на Донце, да тут на Мерли»*⁵⁷.

Эта акция была отнюдь не единичной, московские дипломаты указывали на систематичность этой практики в борьбе ордынцев с русско-крымским блоком⁵⁸. Именно поэтому предлагалось крымскому хану отряжать значительные силы для сопровождения послов и *«...их (ордынцев — М. М.) из лихих мест изо всех выпроводити»*⁵⁹.

Кроме общих рекомендаций, в посольской документации нашли отражение и непосредственно боевые действия союзников против

общего врага. Исходя из этих материалов, отчётливо видно, что основной ударной силой Русского государства в этой войне выступали служилые татары, возглавляемые бывшим крымским ханом Нур-Девлетом. Во всяком случае, это следует из слов русского гонца Шемерденя Умачева: *«Послал под Орду уланов и князей и казаков всех, колко их есть в его земле»*⁶⁰. Летом 1485 г. служилые татары и люди великого князя промышляли под Ордой: *«Улусы имали и головы поимали»*⁶¹. В 1486 г. выяснилось, что среди полона оказались люди Крымского ханства, поэтому их освободили и отпустили в Крым в 1487 г.⁶². Летом 1487 г. Менгли-Гирею сообщалось, что Нур-Девлет вновь направлен под Орду⁶³. В секретной части переговоров содержалась конкретизация планируемой операции: кроме Нур-Девлета, Иван III планировал привлечь казанского хана Мухаммед-Эмина и силы Казанского ханства⁶⁴.

Интересно, что тактика, избранная великим князем и поддержанная Менгли-Гиреем, не подразумевала прямого боестолкновения с ордынскими силами. Все удары по Орде планировались тогда, когда ордынские ханы-соправители выходили в степь для удара по врагу. Так, если они шли на Крым, удар должны были наносить русские, если же нападение готовилось на Русское государство, тогда уже в дело включались крымцы. Об этом красноречиво свидетельствует следующее сообщение: *«Муртоза и Седехмат цари, из Орды не бывали, шли с Ордою и с улусы своими вместе, брату твоему (Менгли-Гирея — М. М.), господине, Нурдовлату царю как было притти на Орду, коли сами цари в Орде со всеми с своими людми?»*⁶⁵.

Итак, ордынская война напоминала не бескомпромиссную битву противников, а войну на выносливость. Большой Орде была предложена тактика тревожащих набегов на ставку и улусы, которые приводили не столько к уничтожению живой силы противника, сколько отгону коней, захвату улусных людей, вытаптыванию пастбищ. Всё это влекло крах и без того хрупкой экономической системы кочевников. Способность Большой Орды выдержать марафон колющих ударов — это был лишь вопрос времени. Но для успеха избранной тактики было крайне важно поддерживать довольно высокий темп набеговой карусели, что было возможно лишь при широком круге союзников. Именно поэтому московская дипломатия стремилась включить в антиордынскую коалицию большее число участников, каковыми стали в итоге Казанское ханство и Ногайская Орда.

В начале августа 1490 г. в Москву приехал посол ногайского мирзы Мусы — Семен Богатырь. В грамоте содержалось предложение военного сотрудничества (*«Кто тебе ратен будет, я рать пошлю, а хто мне ратен будет, и ты ко мне рать пришли»*), обмена послами и торговли⁶⁶. Врагами Мусы С. Богатырь называл детей погибшего большеордынского хана Ахмеда — Муртозу, Сеид-Ахмеда и их *«братью»*. Для ногаев же Большая Орда была противником со времени борьбы за узбекское наследство⁶⁷, именно поэтому они предлагали при необходимости прислать Ивану III ногайскую помощь и в ответ то же ждал от Москвы⁶⁸.

Итак, с 1490 г. Большая Орда оказалась в кольце врагов, однако, решительного удара так и не последовало. В конце-концов в этот конфликт решила вмешаться Турция. Султан Баязид выступил посредником между Ахматовичами и крымским ханом, желая примирить эти государства. В результате ордынцы заключили мир, но после того как Менгли-Гирей распустил улусы, Сеид-Ахмед и Шейх-Ахмед ворвались в Крым и разорили кочевья Барынов⁶⁹. Зимой 1490–91 гг. Орду охватил голод. К весне 1491 г. на Ахмедовичей готовился большой поход. К Менгли-Гирею пришла помощь из Турции, в мае 1491 г. стало известно, что Муртоза хочет заручиться поддержкой у ногаев. Из Азова шли вести, что ногаи переправляются через Волгу и идут на Орду⁷⁰. В октябре 1491 г. в Москве стало известно, что мирза Муса *«сее осени»* планирует напасть на Орду, если будут *«промежь себя мирны»*⁷¹, то есть в 1491 г. ногаи приступили к выполнению договоренностей 1490 г. направленных против Большой Орды. В это время она переживала очевидный политический и экономический кризис. Известно, что в 1491 г. кочевья ахмадовичей поразил голод⁷². Между *«Ахмедовыми детьми»* шла борьба за власть, что усилило *«...значительные центробежные силы внутри Большой Орды»*⁷³. Однако и в самой Ногайской Орде к осени 1491 г. обострились противоречия, которые угрожали разразиться открытым конфликтом.

В 1493 г. в Москве стало известно от русского посла в Крыму К. Заболоцкого, что Муса выдал свою дочь за хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, которого *«...князи... с Орды сбили, что женился у Мусы»*⁷⁴. Подобный маневр со стороны Мусы политика, вероятно, довольно осторожного⁷⁵, на первый взгляд трудно объяснить.

Однако при рассмотрении расстановки сил в Ногайской Орде того времени видно, что его поступок был вынужденным и был продиктован внутриногайским противостоянием с Ямгурчи и Аббасом. По наблюдениям В. В. Трепавлова статус Аббаса имел очевидный «*племенной*» оттенок, тогда как положение Мусы имело «*смысл только при правящем хане*»⁷⁶. В условиях, когда Аббас и Ямгурчи были сторонниками Ибака, то положение Мусы подвергалось угрозе. Необходимо отметить, что на политическом пространстве Дешт — и Кипчак преимущественное право на занятие ханского престола было закреплено за Чингизидами⁷⁷. Это обстоятельство диктовало для потомков Эдиге необходимость избрания на трон потомков Чингиз-хана. Это правило неукоснительно соблюдалось мангитами на всем протяжении 2-й половины XV века. Во время борьбы за узбекское наследство ханами были Ядгар б. Тимур-Шейх, затем его сменил Ибак б. Махмудек. В 1490 г. его сменил выдвиженец Мусы Аминек б. Ядгар⁷⁸, на рубеже 1491–1492 г. нам известно, что ряд ногайских аристократов выступил за призвание на ханство Ибака.

Таким образом, положение Мусы подверглось угрозе, и для его сохранения ему было необходимо срочно найти замену Аминеку. Такой заменой, по всей видимости, должен был стать Шейх-Ахмед. В. В. Трепавлов обращает внимание на факт настойчивых поисков Мусой подходящих кандидатов из рода Чингизидов⁷⁹. Очевидно, что сближение с ахмедовичем не вписывалось во все предыдущие договоренности, инициатором которых со стороны ногаев как раз выступал Муса. Чем же тогда объяснить этот шаг? Возможно, для Мусы не было вариантов. Ибак, лидер сибирских Шибанидов, скорее всего не позволил бы никому из своей многочисленной родни занять «ногайский трон». Возможность избрания ханом кого-нибудь из крымских Гиреев представляется маловероятной. Потомство казанского хана Ибрахима полностью находилось в России, кроме Мухаммед-Эмина, правившего в Казани. Таким образом, оставались только потомки хана Большой Орды — Ахмеда. Переговоры о браке видимо шли в обстановке секретности. В пользу такого предположения говорит то, что «*князи*» свергли Шейх-Ахмеда за уже свершившийся брак. Среди этих «*князей*» несомненно, были мангыты, наиболее влиятельный род в Большой Орде⁸⁰. По мнению А. П. Григорьева, инициатором переворота был Хаджике

(Хаджи-Ахмед) б. Дин-Суфи б. Мансур б. Эдиге⁸¹. Мангыты Большой и Ногайской Орд враждовали друг с другом, что запечатлено и в эпосе. С 1490 г. ногаи активно участвовали в борьбе с Большой Ордой⁸².

Таким образом, брак, на который, возможно, Муса возлагал свои надежды, не оправдал себя. Надо отметить, что этот брак мог стать поворотной точкой в судьбе и Большой Орды. Ведь заключив его, Шейх-Ахмед мог бы стать при помощи своего тестя ханом и Ногайской Орды, доверив ему пост беклярбека. Можно говорить о возможной унии двух кочевых сообществ, которая бы смогла изменить расстановку сил в западном Деште, но внутриклановые противоречия не дали реализоваться потенциям, заложенным в той свадьбе. Вместо этого ордынские беки изгнали Шейх-Ахмеда, пригласили на престол Муртозу и искали пути спасения от ногаев, откочевав к Днепру. В головах некоторых зародился план летом 1493 г. напасть на Русское государство, встретивший саркастическую отповедь некоего Алчина Алова сына: *«Коли есмя были сильны, ходили с Ахматом, и тогда есмя не учинили ничего; а ныне нам поити к Днепру, и князя великого нас люди и достал розберут»*⁸³. Поэтому ордынцы отказывались от крупных акций, предпочитая отгонять скотину у своих противников. В 1493 г. сын Менгли-Гирея был направлен на защиту крымских улусов, расположенных за Перекопом, которые могли стать жертвой нападения ордынцев кочевавших по Днепру⁸⁴. Тогда же стало известно о походе на Орду объединенных сил Ногайской Орды и Сибирского юрта⁸⁵.

К этому времени Орду охватила внутренняя борьба, угрожавшая ей больше нападений неприятеля. Серия быстрых смен ханов завершилась откочевкой на Северный Кавказ⁸⁶. С 1494 г. и по 1496 г. ордынцы исчезли из поля зрения и русских, и крымских политиков. В переписке сохраняются уже ставшие традиционными в двусторонних отношениях заверения во взаимопомощи в борьбе с Большой Ордой, данных же о конкретных акциях нет. Лишь нападения на послов, купцов, и других великокняжеских людей оказавшихся в степи ещё привлекали внимание к Орде. В 1496 г. ордынцы напали на людей Ивана III на Дону, после чего продали их в Азове, однако люди великого князя сбежали от турков, но были перехвачены крымцами. После этого Менгли-Гирей половину беглецов взял себе, а вторую половину приказал

вновь продать туркам за море. На этом злоключении не закончились. Уже в Балаклаве один из этих несчастных вновь бежал, был пойман и опять продан туркам⁸⁷.

Заметно угасание большой антиордынской коалиции. В условиях, когда Большая Орда уже не представляла для союзников серьезной опасности, они начали решать свои проблемы. Так, в 1496 г. ногаи поддержали претензии сибирского султана Мамука на казанский престол и помогли ему его захватить. В начале 1497 г. Менгли-Гирей и его жена Нур-салтан просили Ивана III вернуть на престол Казани кому-нибудь из их сыновей⁸⁸. Однако считать, что Большая Орда смирилась с поражением не стоит. Уже в конце 1497 г. стало известно об активизации литовско-ордынских отношений⁸⁹. Русские дипломаты сообщали Менгли-Гирею, что литовский великий князь Александр призывал ордынцев напасть на Крымское ханство⁹⁰. Впрочем, это сообщение не напугало крымского хана. Русский посланник Борис Одинцов писал в отписке о бедственном положении Орды: *«Орда та велми голодна и охудела ... Приходили Черкасы ... и побили ... татар Большой Орды добре много»*. Это вынуждает ордынцев перекочевать на другой берег Дона и Менгли-Гирей, почувствовавший «запах крови», наконец-то *«...выступил со всеми людьми; а идет искати бошой Орды»*⁹¹.

Очевидно, эти поиски не увенчались успехом и новый поход хан запланировал на весну 1499 г., собираясь искать ордынцев уже не на Дону, а на Волге⁹². В 1500 г. хан Большой Орды Шейх-Ахмед попытался заручиться поддержкой турок, прося у кафинского санджак-бея разрешения кочевать к Днепру. Оставаться же на старых кочевьях ордынцы, постоянно подвергавшиеся набегам ногаев и черкесов, уже не могли⁹³. Истерзанные нападениями и голодом подданные хана Большой Орды покидали его, откочёвывая ко своим недавним врагам⁹⁴. От них становилось известно о плачевной ситуации. Большая Орда кочевала в Пяти-Горах в Черкессии, население голодало, катастрофически уменьшалось поголовье коней⁹⁵. В 1501 г. ордынцы начали кочевку к Дону и планировали идти на Крым. Менгли-Гирей решил встретить их в степи. Крымский хан активизировал сбор информации, касавшейся Большой Орды и ему стало известно, что Шейх-Ахмед соединился с братом Сейид-Махмудом и они прикочевали *«...к Дону на Черленой Песок»*, где ордынцы начали строить укрепленный лагерь.

К названному месту хан и двинул свои войска⁹⁶. Донесения русских дипломатов рисовали атмосферу взаимного недоверия царившего в то время в Большой Орде: *«А дружбы сказывают ещо меж их мало: наперед того которых князей многих Ши-Ахмет грабил, и те князи нынеча у Сеит Махмута, а добра меж их не хотят; и по метем, государь, Менли-Гирей царь держит себе в надежды, то чает меж их коро-молы, и людей к себе от них чает»*⁹⁷. Однако, несмотря на внутреннюю напряженность, ханы-соправители Орды продолжили свое движение и прикочевали к Медведице и собирались соединиться с великим князем литовским Александром. Крымские войска настигли их на Кандаузском песке, где ордынцы для защиты начали строить новый укрепленный лагерь. Столкнувшись с этим, Менгли-Гирей не решился атаковать неприятеля и запросил помощи у великого князя Ивана III: *«К нам на пособ десять тысяч человек посадив на конь к нам пришли, и хоти пак одну тысячу наперед пришли, прикажи, восе рать моя идет»*. Интересно, что Менгли-Гирей вместо атаки позиций противника предполагал воздвигнуть свою крепость напротив крепости ордынцев⁹⁸. В итоге эту крепость крымцы устроили на устье Сосны, где и разместились, ожидая скорую присылку великокняжеской рати⁹⁹.

Крымский хан поторапливал Ивана III, призывая отослать рать на улусы Шейх-Ахмеда, чтобы они *«...улусы повоевали и животину бы у них отгонили»*¹⁰⁰. А пока хан ждал подмоги, посылал по ордынскую крепость своих людей. В бою был ранен брат Шейх-Ахмеда — Енай и 30 человек убито. Крымские войска перекрыли ордынцам дорогу на Хаджи-Тархан¹⁰¹. Противостояние на Тихой Сосне продолжалось до 18 июля 1501 г., когда Менгли-Гирей узнав, что на помощь Шейх-Ахмеду идет ногайский мирза Шейх-Мухаммед, решил вернуться в Крым¹⁰². Осенью 1501 г. Менгли-Гирей приказал поджечь степь около Белгорода, чтобы ордынцам негде было зимовать¹⁰³. Это обрекло Орду Шейх-Ахмеда на крах. Хану пришлось откочевывать вглубь украинских земель Великого княжества Литовского, где под Черниговым умер от ран его брат Енай.

Суровую зиму 1502 г. Шейх-Ахмад с людьми, сохранившими ему верность, встретил у Киева на левом берегу Днепра¹⁰⁴. Весной 1502 г. Менгли-Гирей сообщал Ивану III о том, что он вышел на охоту за затравленной Ордой Шейх-Ахмеда. Крымский владыка был

настроен решительно: *«И будет Орда на сей стороне и нам хотя будет двояда перейти Днепр, и мы перейдем; а побежат к Волге, и мы их не отпустим»*¹⁰⁵. В этот раз крымские войска были подготовлены к походу заметно лучше, чем в 1501 г.: их сопровождали пушки и пища-ли¹⁰⁶. Дальнейшие события развивались слишком быстро: ещё 2 июня 1502 г. было известно, что ордынцы кочевали на Самаре, а уже 8 июня Менгли-Гирей писал Ивану III о полном разгроме Шейх-Ахмеда¹⁰⁷. Сохранившиеся краткие и отрывочные сообщения источников не дают возможности даже приблизительно восстановить ход этого сражения. Вполне возможно, что и какого-то серьёзного боя и не было: измученная, оголодавшая орда рассыпалась при появлении крымцев, предпочтя смену суверена истреблению¹⁰⁸.

Вооруженные конфликты в степи в 1509–1519 гг.

Вторым важным направлением ногайской внешней политики после краха Большой Орды стала борьба с Крымским ханством за контроль кочевий, расположенных на правом берегу Волги. В 1509 г. ногаи разгромили Менгли-Гирей-хана. В бою погибло два его сына, сам же хан *«едва утече»*. В 1510 г. Менгли совершил ответный удачный поход на ногаев. В 1511 г. Менгли-Гирей-хан был в походе на *«Волохи»*, там он узнал, что *«...нагайские Татары землю всю поплениша, жены и дети побраша»*. Это известие заставило хана свернуть поход и устремиться в свою землю¹⁰⁹.

Крымско-ногайские конфликты продолжились и при приемнике Менгли-Гирея. В сентябре 1515 г. от бурхана Азова стало известно о походе Мухаммед-Гирей-хана на ногаев. Ногаи спешно откочевали за Волгу¹¹⁰. В конце 1500-х годов между мирзами началась борьба за гегемонию в Ногайской Орде¹¹¹. Именно в рамках этой борьбы выкристаллизовалось еще одно направление ногайской внешней политики — борьба за контроль над Хаджи-Тарханом, а точнее волжскими перевозами.

Открытый конфликт начался в 1510 г. между сыновьями Мусы от разных жен Алчагиром и Шейх-Мухаммедом. Оба провозгласили себя биями, однако возможности Алчагира сильно превосходили ресурсы его противника. Вокруг него сплотился сильный лагерь ногайской аристократии, ему подчинялась и Башкирия,

«...надежная база материальных и людских ресурсов в борьбе за власть». Первоначально верх одерживал Алчагир, которому удалось вытеснить Шейх-Мухаммеда на правобережье Волги¹¹². Летом-осенью 1514 г. в ногайский конфликт вмешался хаджитарханский/астраханский хан Джанибек б. Махмуд. Он послал посла к Алчагир-мирзе, Саид-Ахмед-мирзе, Мамай-мирзе, Кель-Мухаммеду б. Алчагиру. Суть предложений хана сводилась к совместной войне с Шейх-Мухаммедом¹¹³. Однако, не дожидаясь ногайских отрядов, Джанибек-хан вместе с Хаджике-султаном, его детьми и Мустофар-султаном обрушились на кочевья Шейх-Мухаммеда и разгромили его. Улус побежденного из 10 000 человек достался победителям. Сам мирза едва спасся бегством с отрядом из 19 человек.

Подобный шаг астраханских династов вызвал у Алчагира недовольство. Он потребовал ограбить участников похода и то имущество отдать ногаям. Джанибек-хан проигнорировал предложения Алчагира. Ногаи откочевали на Яик. К ним прикочевал Шейх-Мухаммед и бил челом Алчагиру. Вероятно, Шейх-Мухаммед искал с ним примирения, но вместо этого был схвачен и посажен в сарайчуковскую тюрьму. Столь вероломный поступок возмутил недавнего союзника Алчагира Мамай-мирзу. Мамай с отрядом в 50 батыров напал на стражу и освободил Шейх-Мухаммеда¹¹⁴. В то время Хаджике-султан и два сына Мустофар-султана покинули Хаджи-Тархан и ушли кочевать в поле со своими улусами и улусом Шейх-Мухаммеда. Мирза к ним прибил, и все вместе они откочевали в северокавказскую Тюмень.

В Тюмени в ту пору находился Муртоза-хан б. Ахмед. Он, ссылаясь на свою старость, вместе с тюменскими султанами посадил на ханство Хаджике, а Шейх-Мухаммеда «на княжение»¹¹⁵. В Тюмени между союзниками произошел конфликт. Один из мустофаровых сыновей был ограблен и изгнан, другой — Муселим пойман. Джанибек-хан вновь призвал ногаев Алчагира на помощь в войне с Хаджике-ханом и Шейх-Мухаммедом¹¹⁶. Зимой 1515 г. Алчагир прикочевал к Астрахани и потребовал в плату за поход на Шейх-Мухаммеда ограбить Мустофар-султана и его детей и изгнать их из Хаджи-Тархана. Джанибек вновь проигнорировал требования ногайского династа, что спровоцировало конфликт. Алчагир с братьями двинулся на город. Ногаи стояли под городом день, между сторонами произошел бой,

после которого кочевники начали отходить к Яику. Ответная погоня пленила около 300 ногаев¹¹⁷

Параллельно с этим шла междоусобная борьба в Ногайской Орде. В ходе столкновения между Алчагиром и Шейх-Мухаммедом Алчагир потерпел поражение и с ближайшими сторонниками бежал в Крым. Победенный бий пытался добиться помощи у Мухаммед-Гирей-хана, но победитель Шейх-Мухаммед успел провести контрмеры. Он заверил хана в своей преданности и предложил нанести по старому врагу Крыма Хаджи-Тархану совместный удар. Алчагир, испугавшись сговора между ханом и Шейх-Мухаммедом, бежал¹¹⁸.

Ногайская Орда в это время была близка к распаду. Самый мощный удар по самостоятельности орды нанесли с востока казахи. Отношения между Казахским ханством и Ногайской Ордой были сложными. Ногайская Орда номинально входила в правое (западное) крыло Казахского ханства. Сарайчук считался резиденцией казахских ханов Джанибека и Бурундука. Вместе с тем в борьбе за власть в левом крыле Улуса Джучи ногаи поддерживали противников казахов — Шибанидов¹¹⁹. Казахское ханство образовалось вследствие отложения от державы Абу-л-Хайр-хана¹²⁰. После гибели Абу-л-Хайр-хана Гирей и Джанибек вернулись в Узбекский улус, захватили там власть, частью истребив потомков Абу-л-Хайра, частью изгнав¹²¹. В 1500 г. внук Абу-л-Хайр-хана Мухаммед б. Шах-Будаг захватил Бухару. Предпринял ряд походов и с 1507 г. объединил в своих руках державу Тимуридов¹²².

Мухаммед Шейбани-хан в ответ на набеги казахов объявил им войну¹²³. В результате похода казахские улусы были разорены, часть знати погибла, а самим казахам пришлось покинуть свои кочевья и начать «бегство» в Кипчакскую степь¹²⁴. Разгром казахов узбеками Шейбани-хана позволил ногаям игнорировать сюзеренитет казахских ханов¹²⁵. Шейбани-хан после разгрома казахов столкнулся с новой угрозой для своей державы — Сефевидским Ираном. В 1510 г. Мухаммед Шейбани-хан в бою под Мервом был разгромлен и убит шахом Исмаилом Сефевидом. Узбеки оказались вынуждены сосредоточиться на юге, и начали жесткое сопротивление «неверным» шиитам, входе которого Ильбарс б. Буреке и его брат Бильбарс изгнали даруг шаха Исмаила и основали независимое Хивинское ханство¹²⁶.

Отсутствие опасности на восточных рубежах казахской державы позволило казахам перейти к активизации на западном направлении. В июле 1519 г. в Москве от посла в Турцию Б. Я. Голохвостого стало известно о затруднениях ногаев. Шейх-Мухаммед прислал посла к Мухаммад-Гирей-хану, который сообщил о вытеснении ногаев казахами. Крымский хан проявил озабоченность происшедшим. Он отправил к ногаям своего посла с предложением, если ногаи хотят переправиться на правый берег Волги, «...беречися от недругов с одно-го»¹²⁷. Ногаи приняли предложение крымского хана и начали эвакуацию со своей стороны Волги. Астраханский хан Джанибек вмешался и перекрыл ногаям переправу. Он потребовал, чтобы ногаи заключили с ним мир и выдали крымского посла. Шейх-Мухаммед пошел на требования астраханцев¹²⁸. Однако это их не умиротворило: начались столкновения. Бий Шейх-Мухаммед погиб в сражении, его улусы были захвачены. Ногайская знать бросилась бежать. Так, два ногайских мирзы с женами бежали в Азов¹²⁹. Саид-Ахмед-мирза жестоко отомстил астраханцам за их вероломство. Он убил Муззофар-султана и еще семь султанов, вернул захваченные улусы, а так же захватил астраханский улус, так, что в результате «...только один город остался»¹³⁰. В. В. Трепавлов полагает, что в результате мести Саид-Ахмеда почти полностью была уничтожена местная большеордынская колония¹³¹.

В результате похода казахов в 1519 г. Ногайская Орда фактически перестала существовать. Ногайская знать в основном эмигрировала в Крымское ханство. Во главе ногайской диаспоры в Крыму стал Мамай-мирза¹³². Мухаммед-Гирей-хан представлял дело так, будто ногаи стали его подданными. Ряд мирз, вероятно, совершали набеги на казахов из Крыма. Вместе с тем основные людские ресурсы Ногайской Орды достались казахскому хану Касиму, во главе которых он поставил оставшихся ногайских аристократов. Столицу Касим перенес в Сарайчук, где и скончался в 1521 г. После его смерти началась ногайская «реконкиста», закончившаяся изгнанием казахов и их хана Тахира в Моголистан в 1524 г.¹³³

Астраханский погром и ногайское вторжение в Крым (1522–1523 гг.)

В 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей совершил известный поход на Русское государство. В его войско входили и ногаи¹³⁴, укрывшиеся в Крыму от казахов¹³⁵. После похода, ногаи, по мнению В. В. Трепавлова, начали откочевку на родину и борьбу с захватчиками¹³⁶. Мухаммед-Гирей в сентябре 1522 г. захватил Хаджи-Тархан¹³⁷. Но торжество его оказалось не долгим. Мамай-мирза и Агиш составили заговор и разгромили крымцев. Погиб хан Мухаммед-Гирей, его наследник-калга Бахадыр-Гирей и множество крымских беков и простых воинов. В убийстве хана и калги деятельное участие приняли крымские мангыты. Ширинские беки обвиняли в содеянном Джан-Мухаммед-мирзу мангыта¹³⁸, в России убийцей хана считался Мамай¹³⁹. Кроме ногаев и мангытов, по данным Типографской летописи, в этих событиях активное участие приняли и «старые ординцы»¹⁴⁰. Ряд исследователей склонны связывать этот погром с деятельностью русской дипломатии, но как справедливо указал В. В. Трепавлов для этого нет ни каких оснований¹⁴¹.

Разгром крымцев ногаями был ужасен¹⁴². Азовский бурхан конкретизировал картину погрома. По его информации ведущая роль в этом избиении принадлежала Мамай-мирзе. От смерти спаслись два «султана», Гази-Гирей и Биби. Они возглавили сопротивление ногайскому вторжению. Шейх-Хайдар б. Шейх-Ахмед, возглавлявший войско ногаев и мангытов, прошел Перекоп и стал у Соленого озера. Отсюда, разделившись, они пошли на Крым (Солхат), опору Ширинов, по словам И. В. Зайцева¹⁴³ и Киркор (Чуфут-Кале), резиденцию крымских ханов. Осадив города, ногаи и мангыты устроили тотальный грабеж этих местностей¹⁴⁴. В то время как Шейх-Хайдар устроил погром в центре полуострова, от Хаджи-Тархана продолжали возвращаться крымцы. У Перекопа, окруженного двумя рядами стен¹⁴⁵, Мемеш-беку ширину и Девлет-бахти-беку барыну удалось отразить нападение Хаджи-Мухаммеда и Удем-бека мангыта¹⁴⁶. Однако вскоре Шейх-Хайдару удалось сломить сопротивление крымцев¹⁴⁷. После перекопской победы Шейх-Хайдар отошел от города на 10 верст и оставался на таком удалении около двух недель, отсылая отряды в загон к Очакову и ниже

Крымский татарин XV–XVI вв.
Рис. Красникова А. В., 2015 г.

Очакова. Загонщики из этих местностей угнали все тамошние улусы и стада.

Блокирование Перекопа принесло ногайско-мангытскому войску очередные успехи. В их руках оказалось четыре крымских султана¹⁴⁸. В условиях катастрофы Крымского ханства, шокированности его элиты турецкие власти прислали Саадет-Гирей-султана, ранее скрывавшегося в Турции от Мухаммед-Гирей-хана. Претендент на власть первоначально находился в Кафе, к нему приехали Гази-Гирей-хан и Биби-султан. По приказу султана Сулеймана Гази был казнен (задавлен¹⁴⁹), а султаны Биби и Чобан — пойманы. Аресту подвергся и бек Абд ар-Рахман, старинный недруг Саадет-Гирея, и многие иные беки и мирзы. По данным посла в Турцию все они были сосланы в Стамбул¹⁵⁰. Однако русский посол в Крымском ханстве И. А. Колычев сообщал, что Чобан-султану удалось скрыться от Саадет-Гирей-хана. Судьба Абд ар-Рахмана-бека тоже оказалась иной. Он возглавлял крымских ичек Саадет-Гирей-хана, а в 1525 г. отправился в Мекку¹⁵¹.

Новый хан при внушительной военной поддержке турецкого султана (20 000 конников, 500 пищальников) начал принимать активные действия по нейтрализации ногайской угрозы. Он послал послов в Хаджи-Тархан с просьбой не пропускать ногаев на *«крымскую сторону»*, а так же просил нового ногайского бия Агиша не пускать ногаев на Крым¹⁵². Ногаи в победной эйфории желали уничтожить (*«разкопать»*) и Хаджи-Тархан¹⁵³. Новый хаджитарханский хан Хусейн б. Джанибек принял спешные меры против ногаев. 26 июля 1523 г. он отправил послов в Азов, стремясь заручиться поддержкой крымцев против Мамай-мирзы и его братьев. В союзе с ним выступил и Агиш-бий. Хусейн вел переговоры и с казанцами, призывая их совершить поход на Мамай¹⁵⁴. По всей видимости, именно Мамай призывал к разрушению Астрахани. Его поддержал только Юсуф-мирза. Агиш-бий, Хаджи-Мухаммед-мирза находились с ними в розни. Мамай и Юсуф совершили поход на Астрахань и были разбиты. Мамай откочевал в северокавказскую Тюмень на реку Терек и оттуда продолжил кочевку к Каспийскому морю¹⁵⁵.

Тем не менее, несмотря на разногласия между собой, основной целью своей внешней политики ногаи продолжали видеть разгром Крымского ханства. 15 февраля 1524 г. волошский посол сообщил крымцам

о посольстве Агиша и мирз в Великое княжество Литовское. Они требовали отдать им последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмада, за что предлагали литовцам крепкую дружбу. Ногаи обещали разорить Крым, а города Очаков и Ислам-Кермен отдать королю. По сообщению волошского посла литовцы отдали им Шейх-Ахмеда¹⁵⁶. По словам хорезмийского историка Утемиш-хаджи б. Маулана Мухаммед Достин он выбрался из вилайета Король (т.е. ВКЛ) и «...*пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан*»¹⁵⁷. Дипломатические материалы позволяют предположить, что Шейх-Ахмед б. Ахмед правил в Астрахани с 1525 г.¹⁵⁸ до 1528 г.¹⁵⁹. По мнению И.В. Зайцева, хан не сыграл активной роли в тех событиях и вскоре умер¹⁶⁰.

Завершая наш общий обзор событий, последовавший в Великой Степи после поражения хана Ахмата в знаменитом стоянии на реке Угре, можно заметить следующее. В Степи начала выстраиваться новая «мир-система», слабеющая Большая Орда превратилась в досадную помеху, которую надо было уничтожить. Почему? Во-первых, именно Орда контролировала волжские перевозки и тем самым свободное кочевание по широте. Во-вторых, претензии её на гегемонию в среде государств-наследников Золотой Орды. Антиордынский союз Русского государства и Крымского ханства, постепенно расширялся. Сначала в него вошло Казанское ханство, а с 90-х гг. XV века и Ногайская Орда. Зажатая врагами Большая Орда естественно была обречена. К военным поражениям, прибавился голод и общее обнищание. Шанс выжить у этого государства всё-таки был, когда ногайский мирза Муса заключил брачный союз с ханом Шейх-Ахмедом — это могло бы привести к унии Ногайской и Большой Орды. Однако большеордынская знать выступила против брачных отношений своего хана с ногаями, выписав, по сути, смертный приговор собственной стране. Крах Орды в 1502 г. и сужение ее до границ Астраханского ханства ознаменовал собой смерть старой системы, теперь должна была появиться новая, но этого сразу не произошло, хотя контур был намечен. В борьбе за Великую Степь определилось два основных противника — Крым и ногаи, Русское же государство в эти процессы почти не вмешивалось, так как для него важнейшей задачей было добиться контроля в Среднем Поволжье, а именно в Казани. В конце XV века это удалось сделать, при чем формально этот контроль можно было считать двойным:

русско-крымским. Но в 1505 г. этот контроль был утерян и стоит заметить, что произошло это при участии всё тех же ногаев.

Таким образом, если отвлечься от распространённых представлений о некоем единстве постордынских сообществ, в котором главную роль играло Крымское ханство, то в начале XVI века конфигурация в Степи была следующая. Крымское ханство контролировало правый берег Волги и Западный Кавказ, Ногайская Орда — левый берег Волги, частично Казанское ханство, восточные пределы уходили на территорию современного Казахстана. Астраханское ханство продолжало контролировать волжские перевозы, низовья Волги и часть Северо-востока Кавказа. Казанское ханство оказалось зажато между Московским государством и Ногайской Ордой, залогом мирного существования с последним были регулярные брачные союзы и, возможно, какие-то выплаты. Таким образом, с точки зрения степной политики Москва и ее интересы были на периферии, а вот вопрос об Астрахани был напротив первичным. Почти сразу после разгрома Большой Орды начались крымско-ногайские столкновения. В 1514 г. фиксируются военные столкновения между астраханцами и ногаями. В конце-концов, Алчагир был разбит своими противниками и бежал в Крымское ханство, а победитель Шейх-Мухаммед предложил крымскому хану Мухаммед-Гирею совершить совместный поход на Астрахань.

Сложно сказать, чтобы произошло бы дальше, если бы в жизнь был претворен в это время этот возможный крымско-ногайский союз. Нашествие казахов на ногаев изменило геополитическую конфигурацию в регионе. Крымский хан проявил озабоченность происшедшим. Он отправил к ногаям своего посла с предложением, если ногаи хотят переправиться на правый берег Волги, «...*беречися от недругов с одного*». Ногаи приняли предложение крымского хана и начали эвакуацию со своей стороны Волги. Астраханский хан Джанибек вмешался и перекрыл ногаям переправу. Он потребовал, чтобы ногаи заключили с ним мир и выдали крымского посла. Шейх-Мухаммед пошел на требования астраханцев. Однако это их не умиротворило: начались столкновения. Бий Шейх-Мухаммед погиб в сражении, его улусы были захвачены. Ногайская знать бросилась бежать. Однако ногаи всё-таки жестоко отомстили астраханцам за их вероломство. В.В. Трепавлов

полагает, что в результате этой мести почти полностью была уничтожена местная большеордынская колония.

Итак, к 1520 г. сложилась уникальная ситуация: Казахское ханство вышло в европейские степи, но не заметно каких-либо претензий казахов на свое место в этом мире, а Крымское ханство объединило свои силы с ногайскими, а так же смогло взять под свой контроль и престолонаследие в Казанском ханстве. Крым превращался в гегемона в Великой Степи, и главное, что все это произошло почти без особых усилий! От этого у кого угодно закружилась бы голова и Мухаммед-Гирей не стал исключением. В 1521 г. он совершил успешный поход на Москву, а потом захватил Астрахань. Эта победа передавала в его руки контроль за волжскими перевозами, а, следовательно, и кочёвками. Такое положение естественно насторожило ногаев. Они совсем не собирались отказываться от своей независимости и на пиру Мухаммед-Гирей вместе со своим наследником и многими воинами был убит. Началось изгнание крымцев из Астрахани, а затем последовало ногайское вторжение на Крымский полуостров, борьба за контроль над Астраханью, и «ногайская реконкиста»: изгнание казахов со своих кочевий. Среди части ногайской знати были настроения вообще уничтожить Астрахань. И это понятно, «срыв» укрепления города, ногаи планировали добиться полного контроля за волжскими перевозами и захватить кочевья по «*крымской стороне*» Волги.

Однако планы эти так и не воплотились в жизнь. Победили более умеренные политики и ногайский поток вернулся в родные берега, оставив разорённый Крым Турции. Судьба Астрахани не очень ясна, но вероятно, она подпала под ногайское влияние, из-под которого в 1530-е гг. она всё-таки вышла, заплатив в итоге знаменитой «чехардой ханов» и утерей в конце-концов любого влияния в регионе.

Ссылки

¹Каргалов В.В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII — XVIII вв. — М., 1998. — С. 93–162.

²Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. — М., 2001; Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. — М., 1948. — Т. 27; Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. — М., 1954. — Т. 6. — С. 187–256 и др.

³Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М. — Л., 1948.

⁴Кузнецов А.Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). — Минск, 1986.

⁵См. например: Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды Государственного исторического музея. — М., 1948. — Вып. № 20 — С. 3–28; Загоровский В.П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969 и др.

⁶Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. — М., 1959. — Вып. № 4. — С. 166–183; Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 г. // Учен. зап. Института Славяноведия. — М., 1963. — Т. 26. — С. 48–79; Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех»: материалы о походе Девлет-Гирея I на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — М., 2011. — Вып. № 2. — С. 202–251 и др.

⁷Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. — М., 1999. — С. 43.

⁸Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М., 2002. — С. 90–119.

⁹ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы... — С. 195.

¹⁰ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 578–583.

¹¹ Там же. — С. 579.

¹² Там же. — С. 579–580.

¹³ Там же. — С. 583.

¹⁴ Зайцев И. В. Астраханское ханство. — М., 2004. — С. 30–62.

¹⁵ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. — М., 2002.

¹⁶ Кушкумбаев А. К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. — Кокшетау, 2009.

¹⁷ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 493.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1968. — Т. 3. — С. 337; Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. — Уфа, 1978. — С. 245.

²⁰ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 494.

²¹ Там же. — С. 496–497.

²² Там же. — С. 497.

²³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГА-ДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 189 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. — Л. 190.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. — Л. 190 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Стоит отметить, что означенная проблема характерна и для изучения численности русской армии, данные о которой нарративных источников зачастую сильно завышены. В 2009 г. в журнале «*Studia Slavica et balcanica Petropolitana*» была опубликована интереснейшая дискуссия о численности вооруженных сил Российского государства XVI века. Диспутанты предложили несколько методик для решения этой проблемы, обозначили основные проблемы. Но очевидно, что решения достичь пока не удалось, хотя важнейшим следствием этой

дискуссии, стало опровержение представления о «тёмочисленности» русской армии. См.: «...и бе их столько, еже несть числа»: сколько воинов воевало в русской армии XVI в. // *Studia Slavica et balcanica Petropolitana*. — СПб., 2009. — № 1/2 (5/6). — С. 45–150.

³¹ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // *Русский дипломатический архив*. Вып. 10. — М., 2004. — С. 127, 129.

³² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 22 об. — 23, 25, 53 об., 65 об.

³³ Трепавлов В. В. Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) // *Вестник Евразии*. 1998. — № 1–2 (4–5). — С. 108.

³⁴ Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // *Учёные записки МГУ*. — М., 1940. — Вып. 61. — Т. 2. — С. 8.

³⁵ Каргалов В. В. На границах стоять крепко!.. — С. 169.

³⁶ Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV — начале XVII века // *Восток (Oriens)*. 2010. — № 2. — С. 57–59.

³⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 50.

³⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1551–1561. — Казань, 2006. — С. 130.

³⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 296 об. — 297.

⁴⁰ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). — М., 1976. — С. 62–64.

⁴¹ Купели О. Походы крымских татар и турок-осман против Ирана // *Золотоордынское обозрение*. — Казань, 2014. — № 2 (4) — С. 227.

⁴² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — Т. 13. — С. 161; ПСРЛ. — Т. 20. — С. 478.

⁴³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 3.

⁴⁴ Там же. — Л. 2 об. — 3, 11 об.

⁴⁵ Там же. — Л. 77 об. — 78.

⁴⁶ Там же. — Л. 76, 77 об. — 78.

⁴⁷ Там же. — Л. 52 об., 66.

⁴⁸ Там же. — Л. 34.

⁴⁹ Купели О. Походы крымских татар... — С. 227.

⁵⁰ Собрание Государевых грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. — М., 1894. — Ч. 5. — № 2–4; Базилевич К. В. Внешняя политика... — С. 94–108; Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в XV — первой четверти XVII вв. — Волгоград, 1998. — С. 12.

⁵¹Подробнее см.: Каргалов В.В. На границах стоять крепко!.. — С. 93–150.

⁵²Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 1965. — Т. 26. — С. 274.

⁵³Сборники императорского Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). — Спб., 1881. — Т. 41. — С. 43. Сходные инструкции см.: Там же. — С. 49, 60, 63, 66.

⁵⁴Там же. — С. 43.

⁵⁵Там же. — С. 46, 48.

⁵⁶Там же. — С. 60.

⁵⁷Там же. — С. 52, 53.

⁵⁸В 1487 г. особо указывалось, что «ординские люди неодинова стерегли наших послов в трёх местех». См.: Там же. — С. 57.

⁵⁹Там же. — С. 52.

⁶⁰Там же. — С. 44.

⁶¹Там же. — С. 46, 58.

⁶²Там же. — С. 58.

⁶³Там же. — С. 62.

⁶⁴Там же. — С. 63.

⁶⁵Там же. — С. 65.

⁶⁶Посольские книги... — С. 28.

⁶⁷Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... — С. 103, 114–115, 127.

⁶⁸Посольские книги... — С. 29.

⁶⁹Базилевич В. Внешняя политика... — С. 190–191.

⁷⁰Там же. — С. 191, 192; Сб. РИО. — Т. 41. — С. 113, 114.

⁷¹Там же. — Т. 41. — С. 119.

⁷²Базилевич К. В. Внешняя политика... — С. 155.

⁷³Там же. — С. 152.

⁷⁴Сб. РИО. — Т. 41. — С. 180.

⁷⁵См.: Абул-Гази. Родословное древо тюрков. — Казань, 1906 (1914). — С. 168.

⁷⁶Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... — С. 117.

⁷⁷Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы... — С. 195.

⁷⁸Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... — С. 116.

⁷⁹Там же. — С. 117.

⁸⁰ Там же. — С.119.

⁸¹ Григорьев А. П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки АГУ. — А., 1985. — Вып. 27. — Серия Востоковедение. — С. 178.

⁸² См.: Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 119–125, 126–129; Сикалиев А. И. Ногайский героический эпос. — Черкесск, 1994. — С. 51.

⁸³ Сб. РИО. — Т. 41. — С. 181.

⁸⁴ Там же. — С. 182.

⁸⁵ Там же. — С. 206.

⁸⁶ Там же. — С. 211–212.

⁸⁷ Там же. — С. 230.

⁸⁸ Там же. — С. 236–237.

⁸⁹ Там же. — С. 242.

⁹⁰ Там же. — С. 250.

⁹¹ Там же. — С. 255.

⁹² Там же. — С. 263.

⁹³ Там же. — С. 321.

⁹⁴ Там же. — С. 323.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. — С. 356.

⁹⁷ Там же. — С. 358.

⁹⁸ Там же. — С. 361. Менгли-Гирей также призывал московского господаря создать из торговых и рыболовных русских судов сделать военную донскую флотилию, на которых рекомендовал перевезти пушки и пищали.

⁹⁹ Там же. — С. 366; Зайцев И. В. Шейх-Ахмад — последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сборник статей честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. — М., 2003. — С. 34

¹⁰⁰ Сб. РИО. — Т. 41. — С. 367.

¹⁰¹ Там же. — С. 368.

¹⁰² Там же. — С. 368–369.

¹⁰³ Зайцев И. В. Шейх-Ахмад... — С. 34.

¹⁰⁴ Зайцев И. В. Шейх-Ахмад... — С. 35–36.

¹⁰⁵ Сб. РИО. — Т. 41. — С. 414.

- ¹⁰⁶Сб. РИО. — Т. 41. — С. 417. Пушки, 10 пушкарей и людей Менгли-Гирей получил от турок в Кафе. Зайцев И. В. Шейх-Ахмад... — С. 35.
- ¹⁰⁷Сб. РИО. — Т. 41. — С. 419–420.
- ¹⁰⁸Дальнейшая судьба Шейх-Ахмеда изучена Зайцевым: Зайцев И. В. Шейх-Ахмад... — С. 35–45.
- ¹⁰⁹ПСРА. — Т. 40. — СПб., 2003. — С. 144–145.
- ¹¹⁰РГАДА. Ф.89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 76об.
- ¹¹¹Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 144.
- ¹¹²Там же. — С. 147–149.
- ¹¹³РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об.
- ¹¹⁴Там же. — Л. 71об. — 72.
- ¹¹⁵Там же. — Л. 72.
- ¹¹⁶Там же. — Л. 72–72об.
- ¹¹⁷Там же. — Л. 72об.
- ¹¹⁸Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 153–154.
- ¹¹⁹Там же. — С. 155.
- ¹²⁰Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы... — С. 247–248, 251, 253.
- ¹²¹Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. — Казань, 1906. — С. 169; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы... — С. 253.
- ¹²²Там же. — С. 254.
- ¹²³Фазлаллах ибн Рузбихан... — С. 63, 64.
- ¹²⁴Там же. — С. 103, 119, 120, 123–129, 131, 136–137.
- ¹²⁵Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 155.
- ¹²⁶Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. — Казань, 1906. — С. 173–178; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы... — С. 254.
- ¹²⁷РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 124об.
- ¹²⁸Там же. — Л. 127об.
- ¹²⁹Там же. — Л. 130об. — 131, 135об.
- ¹³⁰Там же. — Л. 135об. — 136
- ¹³¹Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 159
- ¹³²Тихомиров М. Н. Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. — М., 1945. — Т. 15. — С. 300.
- ¹³³Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 159–161.
- ¹³⁴ПСРА. — Т. 13. — С. 37.
- ¹³⁵Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 166.

- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ ПСРЛ. — Т. 13. — С. 43.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3, 49об. — 50.
- ¹³⁹ Тихомиров М. Н. Из «Владимирского летописца»... — С. 300.
- ¹⁴⁰ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 221–222.
- ¹⁴¹ См.: Кузнецов А. Б. Дипломатическая борьба... — С. 54; Кусайнова Е. В. Русско-ногайские отношения... — С. 39–40; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 170–171.
- ¹⁴² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 257об. — 258.
- ¹⁴³ См.: Зайцев И. В. Астраханское ханство.... — С. 95.
- ¹⁴⁴ РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 260.
- ¹⁴⁵ РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3об. — 4.; Боплан Г. Л. Описание Украины. — М., 2004. — С. 207.
- ¹⁴⁶ РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3об.
- ¹⁴⁷ Там же. — Л. 3об. — 4. Подробнее об отношении турок к татарам см.: Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). — М., 2004. — С. 191–194.
- ¹⁴⁸ РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 3об. — 4.
- ¹⁴⁹ Там же. — Л. 4об.
- ¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 260об.
- ¹⁵¹ РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 5,13–13об., 48об., 64об., 85.
- ¹⁵² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 261.
- ¹⁵³ Там же. — Л. 261об.; РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 49об.
- ¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 263–263об.
- ¹⁵⁵ Там же. — Л. 270об.
- ¹⁵⁶ Там же. — Л. 286об. — 287.
- ¹⁵⁷ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой. — Алма-Ата, 1992. — С. 96.
- ¹⁵⁸ РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 163.
- ¹⁵⁹ Зайцев И. В. Астраханское ханство.... — С. 107–108, 249.
- ¹⁶⁰ Зайцев И. В. Шейх-Ахмад... — С. 45.